

Хань Мяо в последнее время и вправду был somewhat занят. Приближался конец года, и все домашние дела большого и малого масштаба требовали его участия. Испытание розовой воды также проходило весьма успешно, и вопрос об открытии магазина в Восточной столице в следующем году тоже нужно было включить в повестку дня. Но как бы он ни был занят, каждый день он должен был возвращаться домой, чтобы поприветствовать бабушку. А в алхимическую лабораторию стал ходить реже лишь потому, что не хотел беспокоить Чжэнь Цюна в его совершенствовании Дао.

Однако без этого человека дни стали снова пресными. Но Хань Мяо знал, что нельзя терять чувство меры ради увлечения.

К счастью, с приближением конца года в Аньян вернулся другой человек, которого он давно ждал.

— Старший брат! Зачем ты встречать меня приехал?

Ещё не въехав в город, он увидел своего родного брата. Хань Ся искренне удивился. Тотчас спешился и пошел навстречу.

— Как раз из города выехал.

Хань Мяо не признался бы, что приехал специально встречать. Он взял брата за руку и долго рассматривал, прежде чем слегка кивнуть:

— И правда, стал выглядеть более основательным.

Услышав похвалу брата, у Хань Си покраснели глаза:

— Младший брат непочтителен, должен был дома запереться, книги читать, отца оплакивать в трауре...

— Отец оставил письмо именно потому, что не хотел, чтобы ты прерывал учёбу. Ты с усердием постигаешь знания — это и есть проявление сыновней почтительности.

Хань Мяо разве не знал его мыслей? Он утешительно похлопал Хань Ся по плечу.

Для купеческой семьи соблюдение траура никогда не было проблемой, требующей строгого подхода. Хань Мяо знал, что отец действительно заботился о другом, и сам отверг мысль о чиновничьей карьере, взяв на себя семейное дело после похорон. Но его младший брат должен был сдать экзамены на чиновничью должность, и чтобы не задерживать его учёбу, отец при жизни специально оставил письмо, велел с ним найти ректора академии Юэлу. Именно поэтому Хань Ся в период траура отправился в Таньчжоу и, благодаря некоторым связям и собственному уму, поступил в эту знаменитую обитель.

Теперь до окончания траура оставались считанные месяцы, и следующей осенью он мог как обычно участвовать в областном экзамене.

Улыбка брата была такой же, как у отца в те годы. Хань Ся почувствовал, что слезы подступают к горлу, и сильно кивнул. В академии он целыми днями усердно учился и никогда не развлекался — именно чтобы отблагодарить отца и брата и получить чиновничью должность!

Хорошо зная характер своего младшего брата, Хань Мяо много не говорил и повел людей в особняк, чтобы поклониться бабушке. Старая госпожа Хань не видела малого внука целый год,

ей всегда казалось, что он похудел и снаружи страдал, от жалости она всхлипывала и плакала. Только Хань Мяо уговорил старую бабушку, и семья из трех человек наконец села, чтобы нормально поесть на ужине в честь приезда.

Поев, старая госпожа Хань снова взяла малого внука за руку и стала расспрашивать о пережитом за этот год. Хотя Хань Ся не обладал таким красноречием, как старший брат, он тоже знал, что нужно быть почтительным с бабушкой и нельзя её беспокоить. Поэтому он скрыл все пережитые тяготы учёбы и рассказал лишь забавные истории из академии, что заставило старую госпожу Хань вздохнуть с облегчением.

Выслушав внука, старая госпожа Хань наконец успокоилась, всё говорила, что боги и будды защищают, и снова упомянула, что дома воспитывают мальчика-даоса, который не только спас её, изгнал злого даоса, но и защитил род. Хань Ся впервые услышал об этом и был довольно удивлен:

— Благодетель прабабушки, внук тоже должен поклониться.

Старая госпожа Хань согласно кивнула:

— Правильно, нужно увидеться! Мяоэр, в этот канун Нового года тоже нужно пригласить наставника-даоса вместе поесть.

Это поручение Хань Мяо полностью устраивало. Чжэнь Цун теперь был человеком без отца и матери, и в канун Нового года проводить ночь в бдении нехорошо, если он будет один в алхимической лаборатории.

Улыбнувшись и кивнув, он не приказал людям звать Чжэнь Цюна, а повел брата сам в алхимическую лабораторию в Западном дворе. Хань Ся и не думал, что лаборатория находится в таком уединенном месте, и не мог не удивиться:

— Разве наставник Чжэнь не наш благодетель? Почему он живет здесь?

Хань Мяо улыбнулся:

— Ему нравится плавить пилюли, он специально выбрал тихое место. Обычно он тоже мало кого видит.

В последние дни он выходил еще реже, и Аньпин говорил, что он плохо ест и спит, не знаю, как он там?

Хань Ся сразу понял и в сердце создал образ постигшего Дао возвышенного человека. Поэтому, когда Чжэнь Цун появился с растрепанными волосами и двумя кругами под глазами, он совершенно не обратил на это внимания, тотчас упал на землю и совершил большой поклон:

— Малый Хань Ся, видит наставника-даоса. Спасибо наставнику за спасение бабушки.

Чжэнь Цун только что всю ночь охранял печь для пилюль, в глазах всё творилось, откуда ему было думать, что малый, которого привел Хань Мяо, сразу упадет на землю и поклонится, он чуть не подпрыгнул от испуга.

Только когда человек встал, он наконец пришел в себя, запустил руку в рукав, достал вещь и протянул:

— Я ничего с собой не взял, так что пусть это будет подарок на знакомство.

Хань Ся:

— ...

В чем дело? Разве выражая благодарность, принимают подарки? Этот наставник-даос выглядит даже моложе меня, почему с видом старшего?

Хань Мяо с трудом подавил уголки рта, которые хотели подняться, и серьезно сказал всё ещё в замешательстве брату:

— Раз это дар наставника Чжэня, тогда принимай.

Слова брата нельзя не слушать, Хань Ся с глупым видом взял ту вещь и спрятал в рукав.

Чжэнь Цун лишь облегченно вздохнул. Брат господина Ханя, как говорится, всё же младший. Принял такой большой поклон, если не дашь немного подарка на знакомство, кажется, не совсем по порядку. Хорошо, что за эти два дня, когда плавил в печи, он прихватил маленькую вещь для развлечения, иначе не знал бы, что дарить.

Видя, что сцена на какое-то время стала неловкой, Хань Мяо с улыбкой перевел тему:

— Младший брат, чем в последнее время занят?

— Да возгоняю квасцы. В этом веществе точно есть металл, но я перебрал семнадцать-восемнадцать способов, а значительного эффекта не видел. Сейчас как раз провожу сравнительные пробы, кажется, можно заменить одну кислоту... Кстати, тот комплект весов действительно хорош, измерение суперточно, очень полезно!

Говоря о своей теме, Чжэнь Цун тут же воспрянул духом и затараторил.

Вот это его настоящее направление исследований! В свое время Чуньянцзы выплавил «злую медь» в белой меди, а Фуяоцзы нашел «белое золото» в золоте — способность открывать новые вещества и использовать природу — вот в чем заключается Великий Путь их «школы Металла и Камня»! Только эта тема слишком сложна, только своими силами не знаешь, до когда будешь возиться.

Хань Ся:

— ...

Ясно слышал, как маленький наставник-даос наговорил кучу, почему же я не понимаю ни полслова? Хань Ся крайне неловко посмотрел на брата, но увидел, что улыбка на лице Хань Мяо не изменилась, он лишь сказал:

— Плавка пилюль важна, но и телом нельзя пренебрегать. Аньпин, иди нагрей горячей воды, прислуживай наставнику Чжэня искупаться.

Сказав это, он повернул голову к Чжэнь Цюну:

— Сегодня пораньше умойся и ложись спать, завтра продолжишь не поздно.

Это было вообще не увещание, а приказ. Однако голодный и сонный, глядя на ту весеннюю

улыбку, Чжэнь Цун чувствовал головокружение перед глазами, совершенно не зная, как отказаться. В любом случае, печь для пилюль только что погасла, может быть, и завтра можно заняться? Он глупо кивнул и был отправлен Аньпином отдыхать.

Хань Ся смотрел на это сбоку, и в сердце невольно родилось некое сомнение. Разве это отношение к благодетелю? Почему забота чуть больше, чем о мне, родном брате? Его старший брат хотя и весь день с улыбкой, но людей, к кому он относился от всего сердца, было очень мало. Этот маленький наставник-даос, какого он происхождения?

Провожая взглядом кривую спину Чжэнь Цюна, пока она не исчезла, Хань Мяо вздохнул, откуда ему было думать, что всего за полмесяца этот маленький даос смог довести себя до такого вида, по-видимому, впредь нужно следить, чтобы он вовремя ел и спал. Раньше он думал, что когда Чжэнь Цун изготавливал стекло, он уже достаточно забывал о еде и сне, не думал, что когда он погрузится в Путь алхимии, сможет словно одержимый.

Повернув голову, Хань Мяо встретился взглядом с глазами, полными сомнений брата, и все мысли немедленно спрятал в глубину сердца. Легко улыбнувшись, он спросил:

— Что наставник Чжэнь тебе подарил?

Автор имеет сказать:

Чжэнь-даос: Раз уж привел человека кланяться мне, как не подарить что-то на знакомство.

Хань Мяо: ... (улыбается)

Хань Ся: ... (в ступоре)

«Злая медь» — это никель, а «белое золото» — это, естественно, платина. Хе-хе, что именно собирается очищать маленький наставник-даос, пока оставим в секрете =w=

Хань Ся замер, вытащил только что засунутую в рукав вещь. Это была бумажная трубка, форма была немного похожа на большой фейерверк, потряси, внутри, кажется, что-то положено, звенит дзынь. Внимательно посмотрел на оба конца, Хань Ся вдруг «ой» сказал:

— На этом даже есть цветное стекло.

Внизу бумажной трубки действительно было цветное стекло, снаружи еще был приклеен слой тонкой бумаги, не видно was качества, выглядело немного странно. Зачем на такой грубой бумажной трубке крепить цветное стекло? И к чему эта бумажная трубка?

Хань Мяо слегка нахмурил брови, вдруг сказал:

— Не лучше ли посмотреть, что внутри?

<http://bllate.org/book/16827/1547274>